

Окончание. Начало — на стр. 1

СВЯТАЯ ВОЙНА

Объективно, война, которую сегодня Российская Федерация ведёт на территории бывшей СССР — святая война. Святая не потому, что идёт за Россию и русский язык против нынешней Украины. И не потому, что по сути стала войной за национальную независимость и суверенитет России против агрессии западной коалиции, начатой против России в феврале 2014 года с захватом Киева. Это вообще не война России с Украиной и русских с украинцами — это война антифашистов с фашистами и нацистами.

Речь идёт о том, что западная коалиция на Украине отравывает форму своей будущей жизни, используя украинских нацистов как свой боевой кулак. Нация — это не кровь, нация — это определённое социальное сообщество, складывающееся вокруг рыночных отношений. Кровь, история, культура — это конструкторы, "приводные ремни", используемые для скрепления этого господствующего сообщества в рамках организации многоэтажного человечества. Так что Россия вступила в борьбу против мировой тенденции, предполагающей, что сложившаяся евроатлантическая нация через евронацизм оформляет своё положение господства над остальным миром, устанавливая внутри себя и для себя определённое подобие социального государства, обеспечивающего свои социальные обязательства за счёт народов и стран, в эту нацию не влившихся.

То есть Россия сегодня ведёт ту же самую войну, которую Советский Союз вёл в 1941–1945 годах. И она, как и он когда-то, опять прикрывает собой человечество, останавливая экспансию всё того же крупного капитала с его идеей мирового господства.

Для неё эта война за самосохранение, но в итоге и за сохранение относительно цивилизованного состояния человечества: защищая себя, она защищает цивилизацию как таковую, человеческое существование мира как таковое — и в этом святость этой войны, ни проиграть которую, ни пойти на компромисс в которой она себе позволить не может. Компромисс будет поражением, поражение — будет её уничтожением вместе с уничтожением гуманистической цивилизации как таковой. Поэтому отказ от поддержки этой войны — это поддержка противостоящих сил, то есть поддержка нацизма. По отношению к стране это национальное предательство, по отношению к истории и человеческой цивилизации — варварство. Призыв к миру сегодня, обращённый к России, — это варварство. Если Россия проиграет — её растопчут, человечество — забакуют.

Россия ведёт сегодня войну в значительно худших условиях, нежели её вёл СССР в Великую Отечественную. Потому что не имеет накалённой идеологии, не имеет той сплочённости, той автономной экономики и той ясности целей и задач, а ещё — той международной поддержки как на властных, так и на низовых уровнях, которую имел Советский Союз.

Поэтому её задача — объединять вокруг провозглашаемых целей всех противников нацизма и обеспечивать, чтобы все, кто не является сторонником нацизма на другой стороне, оказывались тяготеющими к ней.

Путин обозначил как цели России на Украине демилитаризацию и денацификацию. Не упомыная почему-то демократизацию и деолигархизацию.

Россия либо победит, либо будет раздвинута и уничтожена. И либо спасёт цивилизацию от нового нацизма как инструмента власти железной пяты олигархии, описанного 120 лет назад Джеком Лондоном, либо пророчество писателя сбудется и на мир опустится новое варварство.

ХУЖЕ ВОЙНЫ

Война — это плохо. Да, кто-то любит войны, потому что является не вполне психически полноценным человеком. Но их ведут в первую очередь не те, кто их любит, а те, кто знает, что война — это плохо. И ведут их потому, что вынуждены защищать себя, свою страну, свои интересы.

И если идёт война и над страной нависла угроза, рассказывать, что война — это плохо, значит просто лицемерить. А призывать прекратить войну — звать к капитуляции. Конечно, можно вспоминать курс большевиков, призывавших к поражению и свержению тогдашнего правительства тогдашней России. И кто-то обвиняет большевиков чуть ли не в национальном предательстве. Но большевики никогда не призвали к поражению России и победе Германии — они призывали к поражению всех империалистических правительств и свержению властей в России, и Германии, и Англии, и Франции.

При прочих обстоятельствах если на страну напали, а некто говорит, что воевать не надо, — значит, он ведёт к тому, чтобы не сопротивляться и капитулировать, мотивируя свою капитуляцию стремлением не допустить гибели чьих-то сыновей, братьев, отцов.

Та же логика, по которой французы в 1940 году сдали Париж, а российские коллаборационисты уже в XXI веке твердили, что в 1941 году нужно было сдать Ленинград.

Войны ведутся потому, что сталкиваются интересы государств, и одним государствам приходится оказывать сопротивление другим, пытающимся их себе подчинить. И когда тебя петлёт аналонды окружают силы формально не воюющих с тобой, но враждебных тебе стран, захвативших и подчинивших себе твоих соседей, превративших их в наёмников для войны с тобой, у тебя выбор: ждать атаки либо удущения — или разорвать эту петлю.

Вопрос Украины — это не вопрос имперских амбиций России. Это вопрос имперских амбиций Запада и США — и это вопрос вторжения страны, объявившей Россию своим врагом, на историческое пространство России, общее у неё с Украиной. Это агрессия против исторического пространства России.

Агрессия началась много лет назад. По сути, Россия всё время проводила политику умиротворения агрессора, что и создало реальную угрозу войны сегодня. Россия не вмешалась в ситуацию в 2004 году, во времена первого майданского переворота. Россия не предприняла мер по поддержке конституционного строя и законной власти на Украине в 2014 году.

Один из любимых доводов пацифистствующих патриотов, что всё происходящее — провокация Запада и англосаксов, стремящихся развязать "войну славян между собой". При полном непонимании того, что Западу

давно безразлично, кто перед ним: славяне, турки, романцы, вьетнамцы, германцы — им нужно, чтобы перед ним были покорные.

Угрожая войной украинским славян против российских славян, они решают простую задачу — вынудить Россию к покорности, сделать непокорных покорными. И когда "пацифистствующие великоросские патриоты" начинают пугать руководство и народ России "ужасом межславянского кровопролития", они объективно присоединяются к игракам западной коалиции, призывая и принуждая Россию к покорности.

Потому что, отказавшись сегодня от противодействия агрессии Запада и давлению с его стороны, Россия и сделает то, чего от неё добиваются, — согласится на покорность. Тогда от неё можно будет требовать чего угодно — любых уступок и любого унижения.

Все более или менее серьёзные санкции против России были объявлены не после Крыма и даже не после создания республик Донбасса, а после того, как Россия не вмешалась в этот конфликт и признала мнимую законность незаконных выборов и власти Порошенко.

Санкции тогда на Россию были наложены потому, что она уступила: когда уступаешь в серьёзном конфликте — тебя наказывают, считая, что раз ты уступил, то после наказания уступишь ещё больше.

Война — это смерти и разрушения. Но вина в этом не тех, кто вынужден отвечать на угрозы сегодня, а тех, кто в страхе перед войной не решился пресечь эти угрозы вчера. Войну предотвращает не миролюбивая пропаганда, а готовность к войне, проявление силы и демонстрация противнику уверенности в том, что ты войны не боишься и пойдёшь до конца.

Война — это плохо. Но хуже может быть только попытка её избежать. Дороже обойдётся.

Принципиально важно, что Запад объединился в защите нацистского режима, в своём ментально-политическом слиянии с нацизмом.

Являющийся постмодернистским и ориентированным вроде бы на любые свободы, в том числе и бредовые, Запад слился с системой, которая не допускает свободы в принципе. И это вопрос определённого цивилизационного кризиса западного культурно-исторического пространства.

В 1920-е—1930-е годы западный проект переживал стадию затухания модерна, и неуправляемость его рождала запрос и желание к установлению тех или иных фашистских режимов. Не зная, что делать со свободным обществом дальше, страны Запада ждали контрмодерна, ждали диктатуры — и почти без сопротивления покорялись нацизму... Сейчас, когда цивилизация вступает в фазу постмодерна, Запад внутри себя несёт запрос на то насилие, которое может что-то выстроить и организовать в наступающем хаосе, и постмодернистски сливается со своим антиподом нацизмом в нечто невообразимое.

Этот момент объединения в симпатии к нацизму мы видим в разных проявлениях нынешней западной коалиции. В частности, в заявлениях Германии, что она отказывается от признания своей вины и смеётся над понятием геноцида. Очевиден кризис европейской цивилизации, утрата ею своих ценностей и некий ментальный хаос, с которым Европа не может справиться. Наступает новая эпоха европейского варварства — и в политике, и в ментальности.

ПЕРЕГОВОРЫ
КАК ИСТОК ВОЙНЫ

Остаётся загадкой, зачем в условиях нынешнего развития событий на Украине Россия так настойчиво предлагала киевскому режиму вступить в

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ЗАПАД РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

Постмодерн и евронацизм

НА ФОНЕ СМЕРТЕЙ

переговоры. Заявленные цели военной операции — демилитаризация и денацификация Украины. А переговоры — с руководством милитаризованной нацистской Украины. Но любые договорённости с нацизмом означают признание права нацизма на существование и его сохранение. Сохранение нацизма означает создание для него возможности на подготовку новой войны и его агрессии в удобное для него время.

Весь предыдущий опыт ведения переговоров с киевскими нацистами показал: переговоры для них всегда были инструментом для затягивания времени, чтобы перегруппироваться и накопить новые силы.

Именно так они вели себя все годы после подписания Минских договорённостей: всё подписали, ничего не исполняли и собирали силы для новой войны.

В теории и практике ведения переговоров есть такой приём — постоянный перенос их времени и места. Отчасти он используется для игры на нервах партнёра, но есть более серьёзный смысл — приучать оппонента к согласию на другие правила игры. Неважно, переносится время на 15 минут или на день — важно приучать, что правила определяешь ты, и ставить оппонента в подчинённое положение. Они этим и занимались: то соглашались на встречу, то её переносили, то соглашались на определённое время, то объявляли о его переносе, то соглашались на определённое место, то требуют нового. Пытаются создать внешнее впечатление, что хозяева положения — они.

Это вопросы игровые, но есть системные.

Россия однозначно обозначила свою позицию. Пять компонентов: — признание её суверенитета над Крымом; — признание независимости республик Донбасса;

— демилитаризация Украины; — денацификация Украины; — нейтральный статус Украины.

Согласие киевского руководства на любую из этих позиций несёт для него смертельный риск и угрозу со стороны тех сил, на которые оно опирается, но при этом не контролирует. И оно рискует быть уничтоженным ими же в тот самый день, когда такие договорённости подпишет.

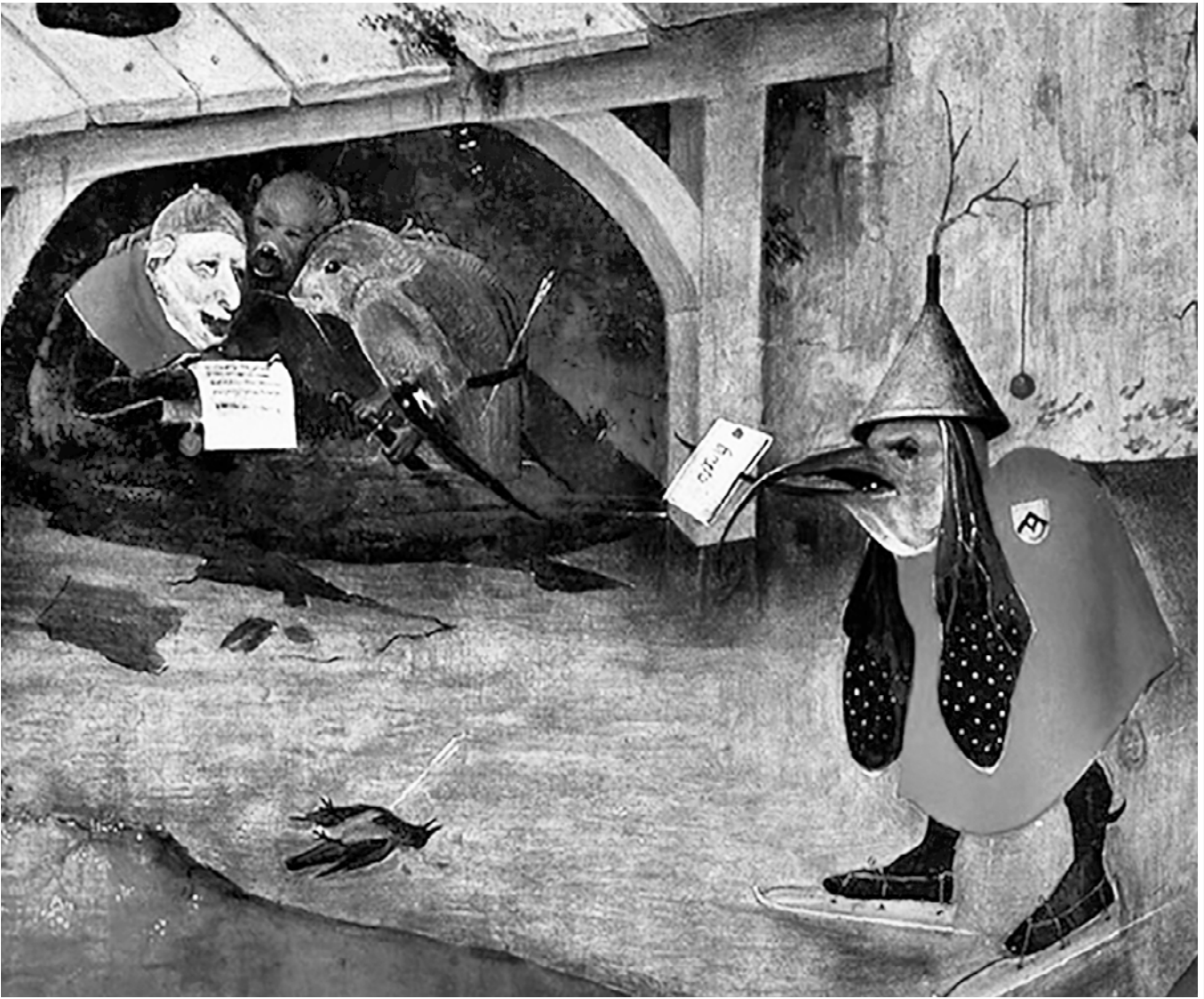
Но даже если оно их подпишет и уцелеет, можно говорить о серьёзной значимости только первых двух пунктов — признание Крыма и Донбасса. И только потому, что оно их не контролирует, в этих вопросах речь идёт лишь о признании уже сложившегося положения вещей.

Третий пункт, демилитаризация, состоит из двух составных. Первая — фактическое разрушение и роспуск нынешних ВСУ. Вторая — запрет на обладание определёнными видами вооружения в будущем, ограничение численности новой украинской армии, демонтаж отраслей промышленности, способных производить запрещённое вооружение, и запрет на ввоз подобного вооружения в страну.

Но исполнение таких пунктов может быть обеспечено только властью и руководством самой Украины. Если это будет нынешнее руководство, оно не будет иметь ни силы, ни воли, ни рычагов власти, чтобы данное обязательство исполнить. То есть это должно быть новое руководство — и, подписывая подобные обязательства, нынешнее руководство должно соглашаться на свой неизбежный уход. Но тогда новое руководство самими этими обязательствами оказывалось не связано и если и будет их исполнять, то не в силу данных документов, а в силу своей убеждённости в необходимости демилитаризации. Но при таком руководстве и договорённости с нынешним не нужны, нужно только его согласие на передачу власти другим силам.

Четвёртый пункт, денацификация, ещё сложнее. Потому что она не осуществляется одномоментно по воле даже антинацистского руководства. Денацификация — это комплексная программа, предполагающая: 1) выявление руководителей, идеологов и активистов нацистского режима и лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности, и суд над ними;

2) устранение из системы государственной власти, силовых и идеологи-

ческих структур носителей нацистской идеологии;

3) кадровая ротация во всех культурно-образовательных учреждениях и СМИ;

4) изменение школьных программ и во многом педагогических кадров;

5) разработка и осуществление культурно-просветительных программ, знакомящих тех же школьников с преступлениями украинского нацизма, создание системы мемориалов, изменение топонимии страны, репертуаров театров, музеев, кинематографа...

Для этого уже недостаточно просто воли и желания антинацистского правительства — для этого нужна массовая политическая сила, обладающая идейной и кадровым потенциалом для того, чтобы вести повседневную работу по денацификации на всех уровнях политической жизни страны.

И пятый, геополитически чуть ли не самый важный, пункт — обеспечение нейтрального статуса Украины. Он у неё был ещё несколько лет назад. Она от него отказалась в ходе практической одного парламентского голосования. Отсюда получается, что никакие договорённости и даже конституционные закрепления гарантий подобного статуса не дают.

Значит, нужны некие иные гарантирующие механизмы — от запрета обладания вооружёнными силами до создания внешних контрольных механизмов, обладающих реальными властными полномочиями на территории Украины. И это будет означать ограничение суверенитета страны, что само по себе в итоге будет накапливать чувство вражды и унижения в обществе.

Вести переговоры можно только об условиях сложения оружия и передачи власти новому руководству страны и личных гарантиях для уходящих.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗВЕНО

Строго говоря, из объявленного Путиным перечня целей-требований:

- 1) признание суверенитета России над Крымом;
- 2) признание независимости Донецка и Луганской Народных Республик;
- 3) нейтральный и внеблоковый статус Украины;
- 4) демилитаризация Украины;
- 5) денацификация Украины — первые четыре при всей своей звучащей важности сами по себе не столь уж значимы. Самая значимая пятая — денацификация.

Потому что будь на Украине нормальный народно-демократический и дружественный России режим, и Крым был бы никогда не уходить, и Донбасс не был бы вынужден начать антифашистское восстание, и вооружённые силы вместе с российскими были бы оплотом защиты суверенитета братских стран, ну а нейтральный статус вообще не был бы нужен, потому что он просто был бы союзническим.

И наоборот, при сохранении нынешнего нацистского режима и власти на Украине никакие другие договорённости — ни по Крыму и Донбассу, ни по нейтральности, ни по демилитаризации — не будут иметь смысла. Потому что не будут соблюдаться, и нынешний либо подобный ему режим откажется от них, как только избежит непосредственной военной угрозы.

Он всё признает, всё подпишет — и ничего не исполнит.

Необходимо простое — уничтожение вооружения и военной промышленности Украины. Это смена нынешнего нацистского режима и проведение процесса денацификации по образцу Германии после Второй мировой войны. Это запрет всех националистических организаций, привлечение к ответственности всех, кто принимал участие в преступлениях и боевых действиях нацистского режима, запрет для них принимать участие в государственной и политической деятельности. Полномасштабное расследование обстоятельств государственного переворота февраля 2014 года. Объявление преступными и роспуск всех политических и военизированных организаций, причастных к преступлениям нацизма. Запрет деятельности общественных организаций, принимавших участие в осуществлении политики нацистского режима с февраля 2014 года по настоящее время. Создание ме-

мориалов в местах массовых захоронений жертв нацизма, местах совершения преступлений. Денацификация репертуаров театров, киносетей, концертных залов. Отстранение от профессиональной деятельности актёров, режиссёров, журналистов и сценаристов, принимавших участие в нацистской пропаганде. Привлечение лиц, оказавшихся вовлечёнными в те или иные виды поддержки нацистского режима, к исправительным видам работ на восстановлении объектов жилой и промышленной инфраструктуры, разрушенных в ходе борьбы за освобождение Украины от нацизма. И ни в коем случае не сохранение за теми или иными остатками нацистского режима какою-либо, пусть урезанной, территории, сохраняющей элементы отдельной государственности.

В целом Украине и украинскому народу должно быть гарантировано сохранение государственности в будущем на тех территориях, которые сохраняют желание обладать такой государственностью.

Ведущее звено — денацификация. Будет она последовательно осуществлена — будут решены все иные проблемы. Не будет, будет сохранён любой остаток нынешней государственности Украины — он с неизбежностью станет плацдармом подготовки Запада, украинских и европейских нацистов к новой войне.

ОДНА ПОБЕДА.
ОДНА НА ВСЕХ...

Побеждает в войне не тот, кто понесёт потери меньше, чем противник, побеждает в войне тот, кто сломаёт волю противника. В 1940 году Франция потерпела поражение в войне с Германией не потому, что понесла большие потери, а потому, что её военачальники избегали вступать в бой, если он был чреват большими потерями.

Если считать главным меньше потери, то войну либо нужно не начинать, либо сдаться сразу после её начала.

Один из главных врагов Победы — переговоры и дипломаты, пытающиеся доказать, что их ведомство важнее армии, и навязывающие, как это было в Сирии, свои услуги в попытках договориться с врагом.

Переговоры нужны — но с теми, кого можно сделать своими союзниками. Переговоры с врагом — это всегда отказ от побед армии.

Тот, кто демонстрирует противнику готовность к переговорам и к достижению мирного соглашения, внушает ему волю к борьбе. И увеличивает число его союзников, потому что они рассматривают такую позицию как слабость и неуверенность в своей победе.

Тот, кто демонстрирует большую уверенность в своих силах и своей победе, увеличивает силы своих солдат, внушает неуверенность армии врага и растит число своих симпатизантов, потенциальных союзников и тех, кто готов оказывать помощь на случай будущей победы.

Главный критерий войны или отдельной военной операции — её политический эффект, то есть то, какое впечатление создано в ходе боевых действий как у сражающихся, так и у наблюдающих со стороны масс и политических элит. Вопрос не в том, уничтожены или не уничтожены войска противника, вопрос не в том, лишены ли они, а ещё в большей степени элиты противника, воли к борьбе. И какое впечатление произведено на тех, кто готов либо не готов оказать той или иной стороне поддержку извне.

Гарантировавшие Польшу поддержку Франция и Великобритания не сделали ничего реального для осуществления этой поддержки после начала её войны с Германией — просто потому, что увидели развал польской обороны в первые дни после 1 сентября 1939 года. Нападение Гитлера на СССР было ускорено впечатлением, которое на него произвела выигранная, но затянувшаяся Советско-финская война. США и Великобритания стали всерьёз рассматривать вопрос о поддержке СССР, увидев провал блицкрига и жестокие удары РККА по вермахту.

В августе 1941 года Жуков как начальник Генштаба предупреждал Сталина о возможном котле вокруг Киева и предлагал Киев сдать. Сталин назвал его предложение чужьё и согласился на отставку Жукова из Генштаба. Битва

за Киев закончилась колоссальным котлом в полмиллиона человек, включая гибель командования. Только по итогам сражения Гудериан оценил его итоги как "крупный тактический успех" с сомнительным стратегическим значением — отвлечением войск группы "Центр" от её главной задачи — взятия Москвы.

С военно-тактической и военно-технической точки зрения Жуков, предлагая оставить Киев, был абсолютно прав. Но Сталин исходил из политических и стратегических задач: он вёл переговоры с представителями Рузвельта и Черчилля, заверил их в удержании линии обороны от Киева до Ленинграда, и сдать Киев без боя в этой ситуации означало признать поражение РККА и поставить под вопрос поддержку будущих союзников.

Киев дали, потеряв полмиллиона человек, но, с одной стороны, подтвердив способность к жестокому сопротивлению, с другой — оттянув на юг ударные силы группы "Центр". Это сорвало на тот момент удар по Москве и дало возможность подготовить её к обороне, а также продемонстрировало, что немецкие группы армий уже не способны без поддержки соседей решать поставленные перед ними задачи.

Настояв на почти безнадёжной обороне Киева, Сталин сорвал наступление Гитлера на Москву.

Проигранная и жестокая битва за Киев, срыв немецкого наступления на Москву, контрудар под Ельней показали будущим союзникам, что СССР будет сражаться несмотря ни на что и ему имеет смысл помогать.

За ходом сражения, кроме основных интересантов, всегда наблюдает масса политических гниен, выбирающих сторону для присоединения. Почему в начале кампании на Украине в феврале и марте 2022 года Зеленскому приходилось жаловаться, что кроме политических солидарностей никто ему не хочет помогать. Потому что российские войска быстро продвигались вглубь Украины. Почему он стал стремительно нагнать в апреле и мае? Потому что российские войска отошли от Киева.

Только если одна сторона отводит войска от столицы противника, чем бы это ни было вызвано, политически этот отвод воспринимается как крупнейшее поражение. Такой отвод войск, объявленный перегруппировкой и переброской сил на другой участок, может быть политически компенсирован крупным успехом там, куда их перебрасывают.

Российская сторона говорит о том, что бережёт жизни и своих солдат, и мирного населения Украины и поэтому затягивает свои операции. В результате сторонние наблюдатели не верят в первое, а второе объявляют и воспринимают как неудачу.

Россия говорит, что она медленно и неотвратимо перемалывает военные ресурсы нацистов, и весьма вероятно, что это правда. Только нацистскому режиму Киева, в отличие даже от нацистского режима Гитлера, это вполне безразлично: Гитлера, пусть и в рамках его бесчеловечной идеологии, всё-таки интересовали Германия и немцы, которым он обещал мировое господство. Зеленского интересует его медийная роль: чем больше будет погибших украинцев, тем на большее сочувствие к себе он рассчитывает, чем больше будет сожжено военной техники и разрушено инфраструктурных объектов, тем больше компенсацию и помощь он надеется получить от Запада.

Россия занимается военно-техническими и военно-тактическими задачами — они для победы необходимы, но недостаточны: для победы необходим политический, а значит, и морально-психологический, то есть публично существующий результат.

С военной точки зрения, наступать нужно тогда, когда всё готово к наступлению и потери окажутся минимальными. С политической точки зрения, наступать нужно тогда, когда это даст максимальный политический выигрыш. С военной точки зрения, города нужно брать тогда, когда это потребует минимума усилий и обойдётся минимальными потерями. С политической точки зрения, города нужно брать тогда, когда это даёт большой политический эффект и для морально-политического восприятия своей армии и своего народа, и для деморализации армии противника, и для удержания от вмешательства недоброжелателей, и для обеспечения наибольшей поддержки союзников.

Вопрос не в том, чтобы понести меньше потери в сражении, вопрос в том, чтобы добиться такого политического эффекта, который позволит решить политические задачи войны и, в частности, минимизировать возможные потери в будущем.

Победы заслуживает только тот, кто готов не постоять за ценой, которую за неё придётся платить.

Иллюстрация: Иероним Босх. Искушение святого Антония (фрагмент). 1500 г.